

XXVII

Где остальные товарищи? Кем заняты важные посты?

Ни одного известного человека. Все люди, взятые случайно из Центрального комитета. В суматохе боя некогда было выбирать. Важно было водрузить пролетарское знамя там, где развевалось знамя буржуазное... Любой юнга может это сделать не хуже капитана.

– Не знаете, кто в министерстве внутренних дел?

– Ни черта не знаю! – говорит один из командиров. – Подите узнайте, Вентра; оставайтесь, если там никого нет, помогите товарищам, если они в затруднении.

– Это, кажется, на площади Бово?

Я не уверен. Но, по-моему, именно туда мы ходили на другой день после 4 сентября повидать Лорье по поводу кого-то, кто был арестован новой республикой, не помню уж за что.

В министерстве внутренних дел «подписывает» Грелье, хозяин прачечной, славный малый; я знавал его на высотах Бельвилля. Он был моим импровизированным помощником в ночь 31 декабря в мэрии Ла-Виллетт.

Он подписывает приказы, изобилующие варваризмами, но зато пропитанные самыми революционными намерениями. Водворившись здесь, он объявил грозный поход на грамматику.

Его стиль, удвоение согласных, пренебрежение к причастиям и их согласованию, его росчерки пера в окончаниях множественного числа – все это дало в его распоряжение целый полк с пушкой.

Все чиновники, не удравшие к версальцам, начиная с начальника канцелярии в потрепанном сюртуке и вплоть до курьера в парадной ливрее, испытывают страх перед этим человеком, так бесцеремонно расстреливающим орфографию и поставившим к стенке Ноэля и Шапсаля[180]. Кто знает, не относится ли он с таким же презрением и к человеческой жизни!

Он кидается ко мне и обнимает меня.

– Какое счастье, старина, – говорит он, – что придет Вайян, а то я уж сыт по горло! Какая скука быть министром! А ты нигде не министр?

– Ну нет...

Я уже собирался уходить, как вдруг увидел, что между створок открывшейся двери просунулась голова одного из сотрудников «Фигаро», Ришбура. Он был секретарем конторы газеты, когда я работал там хроникером. Покончив с цифрами, он набрасывал планы романов, рассчитывая продать их в один прекрасный день по три су за строку.

Его прислал Вильмессан с просьбой отменить постановление о запрещении газеты.

Он ссылается на свободу печати, взывает к моему заступничеству.

Я не обладаю такой властью, любезный!

Безыменная сила, завладевшая Парижем и издающая прокламации и декреты, не повинуетя г-ну Вентра, журналисту и стороннику самой полной свободы слова. Конечно, я того мнения, что даже под грохот пушек, в разгар восстания типографским мушкам должно быть позволено^[181] бегать, как им заблагорассудится, по листам бумаги; и я хотел бы, чтобы «Фигаро», предоставлявший мне долгое время свободу, тоже пользовался ею.

Но Грелье протестует.

– Свободу «Фигаро»? Да что вы! Эта газета только и знала, что высмеивала и обливала грязью социалистов и республиканцев, когда они не могли защищаться. Она всегда была на стороне шпиков и солдафонов, стояла за аресты и уничтожение тех, кто устроил сейчас революцию.

Бельвиллец воодушевляется и входит в азарт:

– Да вот вам: я помню, как однажды Маньяр^[182] написал, что для установления спокойствия необходимо отобрать человек пятьдесят агитаторов среди рабочих и богемы и отправить их в Кайенну, на каторгу. И сейчас, если б я думал, как он, если б я был таким же негодяем, – я велел бы засадить в Мазас и Вильмессана и вас, всю банду! Вы требовали, чтобы нас арестовывали, чтобы закрывали наши газеты. Мы выполняем только наполовину вашу программу... и вы уже жалуетесь. Убирайтесь-ка отсюда, да поживее! Другие, может быть, не были бы так великодушны. Проваливайте, это будет самое благоразумное.

Сотрудник «Фигаро» исчез. Я попытался было защищать свое мнение.

– Ты, Вентра, помалкивай!.. Если б тебя услышали федераты, они возмутились бы и взяли бы тебя под подозрение. Подумай только: эта газета смотрела на них, как на добычу для каторги, и вдруг она получит право снова выходить, чтобы снова осыпать их оскорблениями!.. Да ведь любой сержант со своей ротой, не ожидая нашего приказа и не считаясь с нашими протестами, схватит этих редакторов и расстреляет их без лишних слов. Тебе этого хочется?

Он совсем разгорячился, и все окружающие тоже пришли в сильное возбуждение.

Часовой, чей штык поблескивал за окном, остановился, чтобы послушать, и, когда «министр» кончил, я увидел, как дрогнуло его ружье, отбросив черную тень на залитую солнцем стену. Человек молча взял на прицел и жестом показал, что уложит всякого, кто вздумает развязать язык оскорбителям бедняков.

– А знаешь, кто в министерстве народного просвещения?

– Как же! долговязый Рулье[183]

Рулье – здоровый малый лет сорока, крепкого сложения; на лице его всегда следы похмелья. Он ходит вразвалку, задрав нос кверху; носит гусарские штаны, шапку набекрень. На ходу размахивает руками и ногами, будто расчищает дорогу для идущего за ним народа. Невольно ищешь в его руках жезл первого товарища компаньонажа или палочку барабанщика, которой он вот-вот взмахнет над целым батальоном бунтарей.

Он – сапожник и революционер.

– Я обуваю людей и разуваю улицы, – говорит он.

В орфографии он не сильнее своего коллеги из министерства внутренних дел. Зато в истории и политической экономии этот сапожник сведущ больше, чем все дипломированные особы, в чьих руках перебивал портфель, – тот портфель, что он еще позавчера ощупывал с видом человека, понимающего больше в опойке, чем в сафьяне.

Наващивая драгву или прокалывая шилом кожу, он в то же время следил за нитью великих идей и выкраивал из республики мыслителей свою собственную.

Он умел на трибуне придать блеск и выпуклость своим фразам, как передку башмака, заострял шутку, как носок ботинка, вбивал в головы слушателей свои аргументы, как гвозди в каблуки. В его ораторском инвентаре имеется и фантазия и основательность, так же как в его саржевом мешке, в котором он разносит заказы, вы найдете и туфельки маркизы, и сапоги каменщика.

«Трактирный» трибун, забавный и в шутках и в гневе, маниак дискуссий, одинаково красноречивый и перед стойкой и в клубе, он всегда готов опрокинуть стаканчик, защищая все свободы... и свободу выпивки наряду с другими.

– Есть только два вопроса. Во-первых: интересы кап'тала.

Он произносит это слово, как двухсложное. Глотает «и» с наслаждением человека, уничтожающего своего противника.

– Во-вторых: автономия! Вы должны знать это, Вентра, ведь вы были в школе. Бакалавры говорят, что это слово греческого происхождения. Они знают, откуда оно идет, но вот куда приведет, – этого они не знают.

И он посмеивается, потягивая винцо.

– Объясните-ка мне, пожалуйста, что это за штука автономия, – говорит он, вытирая бороду.

Все ждут ответа.

Среди наступившего молчания он повторяет:

– Что до меня, так я за всякую автономию: кварталов, улиц, домов...

– И винных погребов?

– Еще бы!..

Мне любопытно поглядеть на него при исполнении обязанностей, и я отправляюсь на улицу Сен-Доминик.

– Вы хотите видеть Великого магистра?[184] – спрашивает меня швейцар с серебряной цепью, видя, что я блуждаю по коридорам.

Великого магистра? Смеется он, что ли, надо мной?

Тем не менее я утвердительно киваю головой с видом важной особы.

Он ведет меня по лестнице.

Табачный дым, крики.

– Да говорят же вам, что я никогда не играю партии вчетвером. Я оказался бы тогда, как каторжник, прикован цепью к субъекту, с которым должен был бы действовать заодно. Нет,

нет! Каждый за себя: автономия!

Стук бильярдных шаров.

– Вот видите, так бы мог сыграть шар и ваш партнер!

– Да. И что же? Я должен был бы быть ему признателен за это? Расчувствоваться? Предпочитаю быть автономным, мой милый.

– И потом, где же тут была бы выгода... интересы кап'тала, – говорю я, входя.

Меня похлопывают по животу и наполняют рюмки ромом.

– Вам должен нравиться этот напиток, – он здорово пахнет кожей.

– А вы предпочитаете сосать вашу чернильницу, а? Эх вы, чернильная душа!.. Да и чего вы сюда явились? Желаете выставить нас за дверь?

Он опрокидывает еще рюмочку и говорит:

– Мне на это наплевать. Я хоть и сапожник, а вошел сюда первым, словно какой-нибудь сорбонец, и был почтительно принят всей челядью канцелярии министерства. Мы намерены ввести «кожу»[185] в хранилище французского языка и вышить пинком все традиции.

– Скажите, Рулье, кто вас сюда назначил?

– Вот тоже!.. Неужели вы думаете, что я получаю какие-то приказы и стал настоящим чиновником? Мне нужно было сдать в этом квартале заказанную обувь. Увидев вывеску на министерстве, я решил зайти сюда. Кресло было свободно, я уселся в него – и вот сижу до сих пор!.. Эй вы, там, человек с цепью, вас не затруднит сбегать в колбасную за жареной ножкой для меня и студнем для Тельера?.. Мы поедем здесь. Вы закусите с нами, Вентра, выкладывайте-ка вашу долю!

И он протянул кепи, собирая на завтрак.

– Мы уже истратили деньги, выданные Комитетом, – пять франков на человека. Теперь приходится устраиваться на свой счет.

Угощались мы в кабинете министра; а так как нас было человек пять-шесть и свинина была обильно залита вином, то события дня обсуждались очень горячо.

– Добьемся мы своего или не добьемся?

– Все равно! – гремит Рулье. – Сейчас у нас революция, и она будет до тех пор... пока это не изменится. Главное успеть показать, чего мы хотели, если уж нельзя будет делать то, что мы хотим.

И, повернувшись ко мне, он добавил уже почти серьезно:

– Вы, может быть, думаете, что с тех пор, как мы здесь, мы только и делали, что катали шары на бильярде да выпивали? Нет, дорогой мой, мы попробовали состряпать программу. Вот смотрите, чем я разрешился.

Он вытащил из кармана несколько засаленных бумажек, пахнущих клеем, и протянул их мне.

– Разберете? Полно ошибок, а? Но все-таки, скажите мне, что вы об этом думаете!

Что я думаю? Я совершенно искренне думаю, что этот обладающий комической внешностью любитель всякой «автономии», что этот «трактирный» оратор наделен более ясным умом и более широким мышлением, чем все эти пожелтевшие ученые с почтенными манерами, которые корпят в библиотеках над старыми книгами, стараясь проникнуть в тайны философии, отыскать причины, порождающие нищету и богатство.

Он понимает в этом больше их, больше меня! В его помятых, засаленных листках заключен целый план обучения, превосходящий по своей мудрости все катехизисы академий и ученых советов.

Рулье следит за мной глазами.

– Обратили ли вы внимание на параграф, где я высказываюсь за то, чтобы все дети, достигшие пятнадцатилетнего возраста, получали свою порцию вина? Если хотите, дружище, я могу вам объяснить. Так вот: если у меня явились кое-какие мысли и я мог изложить их по порядку, то это только потому, что я всегда зарабатывал достаточно, чтобы выпивать свою литровку и потягивать кофе с коньячком. Говорят, что я напрасно раздражаю свой нос. Но, черт возьми, именно тогда, когда у меня пощипывает в носу, крепнет моя мысль, и я вижу яснее, когда у меня начинают блестеть глаза... Верьте мне, молодой человек, что не из доброжелательства рекомендуют беднякам воздержание, а из страха, чтобы вино не расшевелило их мозги, не привело в движение их мускулы, не разожгло их сердца! Вам нравится то, что я написал? Да?.. Так знайте же, я писал это, потея от обильной выпивки.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 мая 2026 13:43:25

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2026 13:44:53